

ИМОДЖЕН

ТИБО

ОРВИЛЬ IV

Тихий воскресный день
в семье Интригно...

Тиканье?

Я не слышу никакого тиканья!

*(Последние слова, произнесённые несчастным
двоюродным дедушкой Харальдом Интригсеном
за мгновение до злополучного Взрыва
на Голубом Фьорде).*

Кто помнит
**О ДЖАРМО
ВЕЙМАРАНЕРЕ**

Солнце нещадно палило сквозь стёкла в капелле Диоскора Великого в Каире, где вокруг гроба господина Джармо Веймаранера собралось около сотни человек. Среди приглашённых на торжественные похороны, помимо пары голландских дипломатов, явившихся по долгу службы, были многочисленные сотрудники археологического музея Каира, с которым многие годы сотрудничал покойный, священники из коптской церкви, адептом которой

уже много лет являлся господин Веймаранер, некоторое количество учёных со скорбными лицами (почти наверняка по причине духоты, а не из-за утраты дорогого коллеги) и другие люди, которым не терпелось поскорей разойтись. В первом ряду бросались в глаза два державшихся с достоинством мальчика в траурных одеждах, в которых многие предположили детей — вероятно, внебрачных — бедного господина Веймаранера. Догадки шептали друг другу на ухо и выслушивали не без удивления. Всем ведь было известно, что Джармо не только ни разу не был женат, но никогда не проявлял не малейшего намерения обзавестись семьёй. Впрочем, как выразился стоявший опершись о колонну бородатый норвежский египтолог, самое удивительное о Джармо — это то, что никто не может сказать, что действительно хорошо знал его. К примеру, чем именно он занимался в Каире? Работал археологом? Преподавал теологию? Подпольно торговал древностями? Переводил древние манускрипты? Выполнял дипломатическую миссию? Или, может быть, даже шпионил? Кем бы Веймаранер ни был на самом деле, сейчас это уже было неважно, поскольку он простился с миром живых, причём, как и всё, что он делал, незаурядным способом — разбившись на аэроплане а-ля Экзюпери среди песчаных дюн

к югу от столицы, где он разыскивал следы загадочной гробницы, погребённой под песками.

Как человек предусмотрительный, Веймаранер оставил скрупулёзные указания относительно собственных похорон: кого позвать, а кого нет — кто-то вполголоса сообщал, что профессор О’Салливан из Британского музея всё ещё брызжет ядовитой слюной в ярости от того, что не был приглашён, — какими цветами украсить гроб и в каком месте собрать друзей на отпевание. Часовня Диоскора Великого была открыта для похорон в порядке исключения: обычно в это святое место церковные привратники не пускали никого, даже самых именитых учёных.

Гроб, окружённый стайкой людей, был непростительного ярко-жёлтого цвета (последняя шутка чудака Веймаранера!), но от могучей и строгой красоты часовни захватывало дух.

Это была старинная постройка, увенчанная большим куполом и почти целиком занятая круглым алтарём из дерева и мрамора. Тончайшие инкрустации делали этот алтарь похожим на комод со множеством выдвижных ящичков. Над ним висело кадило, распространявшее в воздухе тягучий сладковатый аромат. Отпевал худой невысокий клирик со строгим взглядом, который так энергично жевал слова,

что никому не удавалось разобрать, на каком языке он произносит молитву.

Однако в какой-то момент по рядам скорбящих пробежал шёпот, перекрывший неразборчивую литанию священника. Была ли тому причиной духота вкупе с дымом ладана, или... Разве что из жёлтого гроба не слышался глухой шум? Вначале это показалось только мрачным наваждением, но затем внутри гроба что-то слабо зашкреблось и почти ритмично застучало. Наконец, раздался странный вой... Но к этому мигу большая часть присутствующих уже с воплями неслась наутёк, не исключая священника, который, распиная локтями археологов и дипломатов, спешно пробирался к выходу.

Рядом с распугавшим всех гробом в часовне Диоскура Великого остались только двое мальчишек, которых принимали за детей Веймаранера. И какие ими вовсе не являлись.

Молчаливые молодые люди из первого ряда отзывались на имена Зельды и Маркуса Интригио.

— Свободно! — воскликнула Зельда, когда последний из приглашённых на похороны покинул часовню. — За дело! У нас не больше пяти минут!

В неосвещённом углу *некто* заиграл на церковном органе леденящую душу мелодию. Казалось,

органист бьёт по клавишам кулаками и, возможно, в каком-то смысле так и было.

— Или три... не думаю, что вынесу дольше игру нашей сестрицы! — ответил Маркус.

Затем он достал из кармана куртки электрическую отвёртку и перекинул её Зельде, пока она не успела сломаться в его руках. Из семейных талантов Маркус унаследовал талант Вредителя, говоря проще, он мог вывести из строя практически любой механический, электрический или электронный прибор, приложив к этому лишь немногим больше усилий, чем требовалось бы, чтобы чихнуть.

Зельда взяла инструмент, бесшумно (её талант был тот же, что у дядюшки Харди: Поступь Призрака) приблизилась к гробу и отвинтила восемь фиксировавших крышку больших шурупов.

— Святые небеса! Здесь от жары и умереть недолго! — воскликнул отец семейства Ласло Интригио, выскакивая из гроба. Для покойника выглядел он весьма необычно: костюм из голубого льна, белые ботинки, сумка с едой, которой он подкреплялся в ожидании решающего момента, и мини-вентилятор. Он пригладил усы, довольный тем, что план сработал без помех: находившаяся под семью замками часовня Диоскура Великого была в их полном распоряжении, и никаких посторонних глаз.

Зельда, обменявшись с отцом взглядами, бросила в пустой гроб свою чёрную сумочку. Сумочка дернулась, и из неё струёй полилась густая синтетическая пена, которая моментально заполнила весь гроб и стала быстро твердеть и тяжелеть. После чего Зельда прикрутила обратно крышку гроба с тем же проворством, с каким прежде её сняла.

— Ах! Молодое поколение Интригио во всём блеске и великолепии, — с видимым удовольствием произнёс Ласло, увидев, что и сын при деле: Маркус с лупой в руках изучал инкрустацию алтаря. — Пожалуй, по музыкальной части есть над чем поработать... — добавил он, выдержав очередной поток режущих слух органнных аккордов.

— Бинго! — послышался возглас Маркуса.

Он склонился над углом алтаря, надел резиновые перчатки и легонько стукнул костяшкой пальцев по одной из мраморных пластинок. Пластинка откинулась, и за ней оказалась маленькая ниша, где лежал папирусный свиток с печатью.

— Вот он, таинственный папирус Диоскора! — с горящими глазами проговорил мальчик, бережно вынимая его из тайника.

— Две минуты тридцать четыре секунды! — нажав кнопку хронометра, воскликнул в этот момент Ласло. — Великолепно!

И все трое покинули часовню, присоединившись к остальным гостям. Те толпились у входа, испуганные и растерянные, кто с телефоном у уха, кто — горячо обсуждая пережитый только что ужас. Включая зловещие звуки органа, которые в какой-то момент донеслись из-за дверей часовни.

Интригио незаметно просочились между людьми, изображая на лицах такое же, как и у остальных, растерянное выражение, и сели в седан, дожидавшийся их на другой стороне площади, недалеко от входа на шумный городской базар.

— Наконец-то, дорогие мои... — приветствовала их сидевшая за рулем Бина. Мама Маркуса и Зельды чмокнула мужа в щёку. — Как прошли похороны?

— Не побоюсь показаться нескромным: незабываемо! — ответил Ласло.

— А Имоджен?

Зельда обернулась из окна автомобиля на суровый церковный фасад.

— Она была в ударе, мама. Но думаю, скоро будет здесь.

— Вот и она! — сказал Маркус пару секунд спустя.

Тонкая девичья фигурка приблизилась к машине, распахнула дверь и бросилась на мягкое сиденье.

— Видали, какая круть этот оргáн? — воодушевлённо воскликнула Имоджен. — Мегаатмосферный саунд...

Остальные члены семьи, не имея представления, что это могло бы означать, ограничились кивками. Бина завела мотор, и машина нырнула куда-то между рядов базара, где толпа скоро поглотила её и скрыла от чужих глаз.

— Мм... — пробормотал тогда таинственный «гость» в больших тёмных очках и надвинутой на лоб панаме, до сих пор молчаливо сидевший в машине Интригио. — Так как же всё прошло?

— Великолепно, Джармо! Великолепно! — ответил Ласло Интригио старому другу. — В гробу было удобно и свежо, а ланч, который ты мне оставил, был хоть и не очень обильный...

— Полагаю, вы спрашивали об этом, господин Веймаранер, — перебила отца Зельда, протягивая его другу папирус Диоскора Великого в прозрачном пакете.

Глаза Джармо Веймаранера за тёмными стеклами вспыхнули радостью.

— У вас получилось! После стольких лет!

Он осторожно достал из пакета свиток и несколько мгновений изучал его.

— Ха! Как я и подозревал, это опись зернового склада. А не тёмное пророчество, как утверждал

этот балбес О'Салливан! — удовлетворённо заключил он наконец.

Ласло Интригио хмыкнул.

— Рад слышать, что твоё чутьё тебя не подводит, но... Знаешь, как говорят в наших кругах?

— В *наших* кругах? — удивлённо переспросила Бина. — Не знала, что такие существуют, дорогой...

Но Ласло невозмутимо продолжал:

— У нас говорят, что после похорон единственное утешение — это стол. И если я не ошибаюсь, то во втором переулке налево расположена закусочная Абдула Беззубого, помнишь? *Пророк Кебаба!*

Так, перед блюдом жареной баранины со специями, рецепт которой был старше сфинксов, самая таинственная семья на свете отпраздновала благополучное вызволение Ласло из пресловутого жёлтого гроба.